

Сельский, 1991-18-24 изд. (МЧ)
-С. 13

Ф. ИСКАНДЕР

СЧАСТЛИВЫЙ ОХОТНИК

Как раз в это мгновение на тропинке появился человек. Судя по всему, он только что занимался изучением полета птиц и при том вполне успешно. За плечом у него торчало охотничье ружье, а за поясом, покачиваясь с обеих сторон и волочась крыльями по земле, висели два невероятных коршуна.

В некоторых селах Абхазии едят коршунов и даже засаливают их на зиму. Так что, если принять мое рассуждение о материальной задаче человека, можно сказать, что он только что ее решил. При этом отчасти прихватив и духовную задачу, ибо нельзя убить летящего коршуна, не глядя в небо. Впрочем, о своих духовных склонностях позже он сам мне рассказал.

Мы поравнялись. Мой встречный был человек среднего роста, очень плотного сложения, с добродушным, широким, деревенским лицом. Одет он был в серую ковбойку, перепоясанную широким охотничьим ремнем, в брюки-галифе и сапоги. Звали его, как позже выяснилось, Руслан.

Я поздоровался с ним по-абхазски, и он охотно со мной разговорился. Мы беседовали с ним, переходя с абхазского на русский, и наоборот. Но где-то чем мы разговаривали, он вдруг застыл, всем своим обликом показывая, что ждет, когда я приступлю к обряду поклонения его пернатой добыче.

И тогда я молча с видом знатока, который и сам, случалось, удачно целился в парящих орлов, ощупал одного из его необъятных коричневых коршунов. Крылья были еще теплые.

Да, бывало, и мы, как бы говорил я, щупая коршуна. Бывало. Но не таких больших. Нет, что правда, то правда — такие большие не попадались. Я даже расправил ему крылья, но размах крыльев превосходил ширину моих расправленных рук. Нет, нет, такие огромные не попадались. Даже тот амазонский кондор был, пожалуй, поменьше. Амазонский или кордильерский? Неважно. Всех не упоминай. Главное — был поменьше. Честность прежде всего.

Пока я с молчаливым и опытным восхищением манипулировал его добычей, он с доброжелательной терпеливостью ждал и даже для удобства моего ощупывания оттопырил руку, под которой висел коршун. Так женщины с доброжелательной терпеливостью дают другим женщинам ощупать свой новый наряд.

Не зная, что с ним делать еще, деловито шурша его ог-

ромными крыльями, я приложил одно из них к своей рубашке, как давний любитель орлиных тканей, с небезосновательными капризами выбирающий подходящую, мол, были времена, нашивали и мы пернатые одежды.

Видя его изумление, я не поленился наклониться и, набрав побольше воздуха, за чем-то подул коршуну в грудь, раздувая ему пух и перья и стараясь добраться до его жилистой телесности.

Черт его знает, зачем я это сделал! Кажется, где-то, когда-то, может быть, в Чегеме я видел нечто подобное. Да, конечно, но такое проделывали с живыми курами, чтобы проверить их жирность. И если она была недостаточной, кур отпускали нагуливать жир. Коршунов отпускать нагуливать жир вроде бы было поздно. Впрочем, и дули, если память мне не изменяет, в гущу.

Эта моя последняя операция просто потрясла Руслана. Такой изощренной проверки полноценности своей добычи он не ожидал. Он тревожно застыл. Но когда я выпрямился и прямо посмотрел ему в глаза, он понял, что и здесь все в порядке.

Я решил, что обряд закончен, если я не собираюсь спланировать с этого холма на крыльях коршуна. Но не тут-то было. Руслан с трогательной готовностью оттопырил другую руку, что можно было понять так: не обижай второго коршуна, доведи обряд до конца.

Мне ничего не оставалось, как залезть под его руку и заняться вторым коршуном. Этот коршун был поменьше первого, но я и ему расправил крылья, как бы в суетливой надежде хотя бы здесь, наконец, сравняться с Русланом своими охотничьими подвигами. Но и тут сравняться было невозможно.

И у этого коршуна, хотя он был поменьше первого (отсюда и лучик надежды), размах крыльев превосходил ширину моих расправленных рук. Бедняга Руслан продолжал стоять со старательно оттопыренным локтем, вероятно, уже уловив причину моих якобы тайных волнений и даже явно болея за меня, ждал, чем кончится мой сумрачный осмотр. Я сложил коршуну крылья и слегка покачал головой: нет, такого у нас не бывало.

— А луть не будешь? — спросил Руслан.

— Из одной стаи? — осведомился я, как широко мыслящий специалист.

— Да, — ответил Руслан. Я махнул рукой в том смысле, что если уж они из одной стаи, можно не проверять. Руслан оценил и мою суровую честность, и отсутствие крохоборства в оценке телесности второго коршуна, раз уж они из одной стаи. В порыве великодушия он предложил мне на закуску одного из коршунов и даже сделал руками движение с тем, чтобы снять его с пояса.

Однако должен при этом заметить, что руки его двинулись в сторону коршуна, который был поменьше первого, но, разумеется, намного превосходил тех коршунов (так уж получилось), которых я когда-то добывал прямо с неба. Я оценил его порыв, но решительно остановил его попытку.

— Ты разбираешься в коршунах, — удивился Руслан, — но, может, ты из тех отсталых абхазцев, которые их не едят?

— Нет, — сказал я, — что ты! Я не из тех отсталых абхазцев, которые не едят коршунов. У нас в Чегеме мясо коршунов было любимым блюдом. Бывало, дедушка крикнет кому-нибудь из сыновей:

— Пойди-ка, постреляй коршунов. Что-то соскучился по коршунятине.

Все это было чистейшим враньем. Я как раз относился к тем чегемцам, которые никогда не ели мясо коршунов и всегда находили случай выпустить коршуноедов. Читатель может подумать, что я продолжаю нечто подобное, но это не так.

— Сразу видно, умный человек был твой дед, — сказал Руслан. — Но есть еще такие отсталые абхазцы, которые презирают мясо коршунов. Но если твоя хозяйка — тыкволовая дура и не может приготовить сациви из коршуна, а это тебе не курица, при чем тут бедный коршун? А если на зиму засолить — не надо никакой другой закуски — шоколад.

Я решил отойти от коршунов, чувствуя в этой теме некоторую опасность для себя. Я спросил у него, где он работает.

— Я в милиции работаю, — сказал он и жестом наместника показал в сторону приморской долины, — в трех санаториях дежурю...

И хотя санаториев отсюда не было видно, я знал, что

они есть. Опять идея видимо-го и существующего.

— Но дело не в этом, — продолжал он, — я как работник милиции должен бороться за справедливость. И я борюсь. Но я ненавижу отсталых людей, даже если они абхазцы! Когда я вижу отсталого человека, мне до того противно, что я отворачиваю голову. Вот так прохожу!

Не обязательно в коршунах дело. Вообще ненавижу отсталых людей. Но тех, которые презирают коршунов, в особенности. Некоторые ученые люди говорят, что скоро совсем плохо будет. Есть будет нечего. А тут тысячи, тысячи коршунов осенью пролетают в сторону Турции. Почти даром пролетают. Слушай, а турки коршунов едят?

— Не знаю, — сказал я.

— А где ты живешь?

— В Москве.

— Я два раза был в Москве, — важно сказал он, — первый раз десять лет тому назад. Второй раз в прошлом году. И что интересно. Десять лет тому назад было полно голубей в Москве. А в прошлом году я их не видел. Что, съели?

— Не думаю, — сказал я, — пока до голубей не дошли.

— А чем ты занимаешься? — спросил он.

— Я книги пишу, — сказал я.

— О чем ты пишешь, — оживился он, — о нашей абхазской истории или о чем попало?

— В основном о нашей абхазской истории, — сказала я, — снижая пафос, добавил: — Но иногда о чем попало.

— Молодец, что ты пишешь о нашей абхазской истории! — воскликнул он. — Целую тебя за это, учти, в любое место! Но иногда, когда лишнее время, пиши о чем попало тоже. И такое, наверное, кому-то надо. Но молодец, что ты пишешь о нашей абхазской истории!

Видимо, ему так понравилось, что я в основном занимаюсь абхазской историей, что он снова решил подарить мне коршуна.

— Слушай, — сказал он громко, — клянусь моими обоими детьми, обижусь, если не возьмешь вот этого!

Он рванулся обеими руками к своему поясу, но на этот раз в сторону крупнейшего коршуна. Такого гонора у меня не бывало.

— Нет! — схватил я его за руки. — Спасибо, дорогой. У

нас тут нет возможности заниматься коршуном. Мы в гостях.

— Слушай, — он твердо посмотрел мне в глаза, — может, ты стесняешься сказать, что никогда не ел коршунов? Я не такой. Я не обижусь. Это не значит, что ты отсталый человек, это значит, что ты жил в Москве. Даже если, когда ты жил в Абхазии, не ел коршунов, я не обижусь. Ты пишешь абхазскую историю, а это для меня все! Но тогда напиши честно: я жил в отсталом селе Чегем, где не ели коршунов. А если найдется такой человек, который откроет тебе глаза на вкус коршунов, ты и о нем честно напиши!

— Нет, — сказал я, — спасибо! Я с детства ел коршунов. Я даже жарил их на вертеле!

— Как на вертеле? — воскликнул он изумленно.

Если я что и жарил на вертеле, так это кукурузные початки и цыплят. В доме дедушки жарить на вертеле коршуна было бы все равно, что жарить ворону. Но отступать уже было некуда.

— Очень просто — на вертеле, — повторил я, окунаясь в пучину лжи, — как индюшку.

— Индюшка — это одно, — сказал он почти зыблительно, — а коршун совсем другое. У него мясо жесткое. Его надо хорошенько проварить.

— А вино для чего, — вскинулся я, перебрасываясь на французскую кухню, о которой, как я думал, у него сведения еще более смутные, чем у меня, — мы, чегемцы, сначала коршуна смачиваем в вине. Сутки! А потом жарим на вертеле. У нас так принято было.

— Постой! Постой! — крикнул он и ударил меня по плечу, как бы умоляя притормозить. — Какое именно вино, — «Качич», «Изабелла», «Цоликаури»?

— Любое! — воскликнул я, как и все лгуны, пафосом прикрывая ложь. И с ужасом думал: увы!

— А в чаче вымачивать коршуна можно? — воскликнул он, как бы пытаясь освоить все варианты нового чегемского мышления.

— Нет, — сказал я строго, — чачей можно только запивать.

— Это я и так знаю, — кивнул он, — но вымачивать коршунов в вине, перед тем как жарить на вертеле, до этого ни один человек у нас не додумался. Недаром говорят, что чегемец, на сколько он торчит над землей, на столько он еще и под землей.

На абхазском языке поговорка эта означает великую хитрость, а иногда и коварство. Я решил все-таки увести разговор от этих проклятых коршунов, пока не попался...